

Психосоциальное развитие высокостатусных, среднестатусных и низкостатусных военнослужащих срочной службы

В.А. ИЛЬИН*,

**ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»,
Москва, Россия, va0405@mail.ru**

Д.В. СВИРИН**,

**ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»,
Москва, Россия, metrodor.moscow@yandex.ru**

В статье представлены результаты и их интерпретационный анализ исследования взаимосвязи статусно-ролевой позиции индивида в неформальной интрагрупповой структуре закрытых сообществ и особенностей его психосоциального развития (на примере армейских подразделений, укомплектованных военнослужащими срочной службы). Исследование разработано и реализовано на базе психосоциальной теории развития. Его эмпирической базой послужили армейские подразделения повышенной режимности — т. е. являющиеся реально закрытыми сообществами. Всего в исследовании приняли участие 13 такого рода групп. В каждой из них, по результатам социометрической, референтометрической процедур и методического приема определения неформальной интрагрупповой структуры власти в контактном сообществе, с использованием разработанного М.Ю. Кондратьевым алгоритма, вычислялся интегральный статус членов группы в структуре межличностных отношений. Параллельно, с использованием методики «Дифференциал психосоциального развития», выявлялись особенности психосоциальной идентичности респондентов. На основе анализа полученных данных показано, что уровень психосоциального развития высокостатусных членов закрытых сообществ существенно ниже, чем среднестатусных и низкостатусных. С использованием психосоциальной теории раз-

Для цитаты:

Ильин В.А., Свирин Д.В. Психосоциальное развитие высокостатусных, среднестатусных и низкостатусных военнослужащих срочной службы // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 1. С. 144–161. doi:10.17759/sps.2018090110

* *Ильин Валерий Александрович* — доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной педагогики и психологии, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», Москва, Россия, va0405@mail.ru

** *Свирин Дмитрий Владиславович* — старший преподаватель кафедры социальной педагогики и психологии, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», Москва, Россия, metrodor.moscow@yandex.ru

вития как базового интерпретационного ключа представлена развернутая объяснительная схема данной феноменологии.

Ключевые слова: психосоциальное развитие, интегральный интрагрупповой статус, неформальная интрагрупповая структура власти, закрытое общество.

Введение

В современных условиях вопросы обеспечения национальной безопасности являются одним из ведущих приоритетов государственной политики. При этом одной из ключевых, в данном контексте, задач выступает поддержание высокого уровня боеготовности вооруженных сил минимально затратными — как в экономическом, так и в социальном планах — средствами. В этой связи представляется чрезвычайно важным обеспечение на уровне современных требований как собственно боевой подготовки, так и морально-психологического состояния личного состава, включая военнослужащих срочной службы.

В социально-психологическом плане одним из наиболее действенных средств решения данной задачи является целенаправленная деятельность по развитию неформальной интрагрупповой структуры воинских подразделений до уровня «команда»—«коллектив». Понятно, что сколько-нибудь эффективная деятельность такого рода попросту невозможна не только без выявления отчетливой исходной картины неформальной структуры межличностных отношений в группе, но и без углубленного изучения и анализа как внешних (социально-психологических), так и внутренних (индивидуально-личностных) факторов, опосредующих статусно-ролевую позицию в сообществе каждого его члена.

Как показано в целом ряде практикоориентированных исследований (Н.Ю. Ерасова [1], Е.А. Минакова [7], В.А. Ильин [2], Д.В. Сипягин [9] и др.), статусно-ролевая позиция индивида в контактном сообществе напрямую связана и, более того, обусловлена особенностями психосоциального развития на базисных стадиях эпигенетического цикла.

Заметим, что эмпирической базой всех упомянутых исследований послужили сообщества (студенческие учебные группы, старшие классы средней школы, подразделения коммерческих организаций, досуговые объединения), относящиеся по преимуществу к группам открытого типа (понятно, что закрытость как социально-психологическая характеристика обособленности — величина относительная, в той или иной степени присущая практически любому сообществу). При этом была выявлена универсальная закономерность, согласно которой в группах открытого типа достижению высокого статуса в неформальной интрагрупповой структуре способствует позитивное разрешение кризисов психосоциального развития индивида на базисных стадиях эпигенетического цикла.

В то же время, теоретический анализ закономерностей психосоциального развития позволяет предположить, что взаимосвязь интрагруппового структурирования и индивидуально-личностных особенностей, обусловленных разрешением кризисов детства, в закрытых сообществах (а именно к такого рода сообще-

ствам, по целому ряду как формальных, так и неформальных признаков, следует отнести воинские подразделения) носит принципиально иной характер.

Эмпирическая проверка данного предположения актуальна, на наш взгляд, не только в свете решения обозначенных выше прикладных задач, но и с точки зрения дальнейшей разработки и конкретизации психосоциальной теории развития как полидисциплинарного подхода к исследованию проблем современного общества.

Эмпирическое исследование

В этой связи нами в 2014–2017 гг. было разработано и реализовано исследование взаимосвязи особенностей психосоциального развития индивида и его статусно-ролевой позиции в неформальной интрагрупповой структуре армейских подразделений уровня «отделение—взвод» (численностью 10–25 человек). Исследование осуществлялось в подразделениях повышенной режимности, обуславливающей реально высокую степень закрытости группы. В данном случае, с точки зрения закрытости, эти подразделения выступали, по сути дела, в качестве критериальных групп. Всего в исследовании было задействовано 13 групп такого рода. Общее число респондентов составило 352 военнослужащих, призванных на действительную военную службу в возрасте 18–20 лет.

На основе теоретического анализа проблемы исследования было выдвинуто *гипотетическое предположение*, согласно которому в контактных сообществах закрытого типа, в отличие от открытых, высокого статуса в неформальной интрагрупповой структуре, как пра-

вило, достигают индивиды с негативным разрешением психосоциальных кризисов детства. В качестве основных *методов* углубленного исследования использовались: социометрия, референтометрия, методический прием определения неформальной интрагрупповой структуры власти в контактном сообществе, дифференциал психосоциального развития.

Результаты исследования

По результатам социометрической, референтометрической процедур и методического приема определения неформальной интрагрупповой структуры власти в контактном сообществе, с использованием разработанного М.Ю. Кондратьевым алгоритма, вычислялся интегральный статус в структуре межличностных отношений [4].

В результате в совокупности по выборке было выявлено: 48 интегрально высокостатусных респондентов, 129 среднестатусных и 121 низкостатусный (напомним, что в процессе вычисления интегрального статуса происходит двухфазное усечение исходной выборки за счет исключения из дальнейшего рассмотрения респондентов, находящихся в лиминальной позиции как артефактных случаев).

В рамках исследовательской программы, параллельно с выявлением статусно-ролевой позиции респондентов, осуществлялось исследование особенностей их психосоциального развития на базисных стадиях эпигенетического цикла с использованием дифференциала психосоциального развития. Сравнительные профили по факторам дифференциала высокостатусных, среднестатусных и низкостатусных респондентов, построенные по средним значениям распреде-

ления результатов для каждого из пяти факторов дифференциала, представлены на рисунке.

Как видно на представленном рисунке, именно у высокостатусных членов армейских подразделений имеет место наименее благополучное разрешение базисных кризисов психосоциального развития. Исключение составляет третья стадия эпигенетического цикла, характеризующаяся разрешением базисного конфликта — «инициатива против генерализированного чувства вины». Наиболее отчетливые различия между высокостатусными, среднестатусными и низкостатусными респондентами наблюдаются по факторам автономии, инициативы, компетентности и идентичности. Прежде чем перейти к углубленному анализу и интерпретации полученных данных, представим результаты статистической проверки значимости видимых на рисунке различий.

Итак, по результатам статистического анализа, осуществленного с использова-

нием U-критерия Манна—Уитни, были выявлены следующие значимые различия (во всех случаях двухсторонний уровень асимптотической значимости U-критерия $p < 0,01$):

— по фактору «доверие» между высокостатусными и среднестатусными респондентами, а также между среднестатусными и низкостатусными респондентами;

— по фактору «автономия» между высокостатусными и среднестатусными респондентами, а также между высокостатусными и низкостатусными респондентами;

— по фактору «инициатива» между высокостатусными и среднестатусными респондентами, между высокостатусными и низкостатусными респондентами, между среднестатусными и низкостатусными респондентами;

— по фактору «компетентность» между высокостатусными и среднестатусными респондентами, между высокостатусными и низкостатусными респондентами;

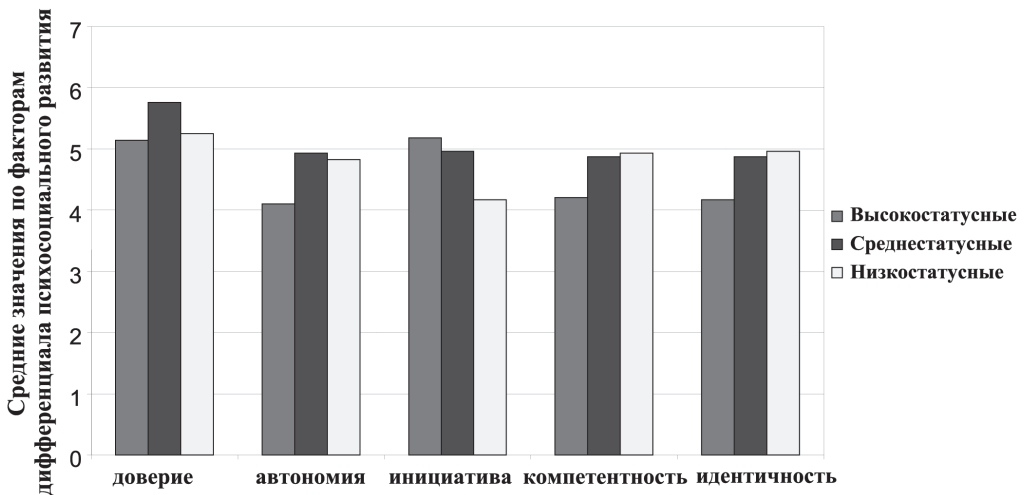

Рис. Соотношения показателей базисных стадий психосоциального развития у высокостатусных, среднестатусных и низкостатусных военнослужащих срочной службы

— по фактору «идентичность» между высокостатусными и среднестатусными респондентами, между высокостатусными и низкостатусными респондентами.

Во всех остальных случаях статистически значимых различий выявлено не было.

В целях углубленного анализа и интерпретации полученного «расклада», как в тех случаях, где были зафиксированы значимые различия в распределении результатов трех категорий испытуемых, так и в тех случаях, когда различий выявлено не было, было проведено углубленное статистическое изучение с использованием метода описательных статистик.

Далее мы попытаемся последовательно описать и проинтерпретировать наиболее существенные результаты по каждому фактору дифференциала психосоциального развития.

Обсуждение

Итак, по фактору «доверие» наиболее отчетливо выявлена тенденция позитивного разрешения первого базисного кризиса развития у среднестатусных респондентов. Это подтверждается как сравнением средних величин, так и квартильными «раскладами».

Как показывает анализ распределения результатов среднестатусных респондентов по квартилям, согласно тестовым нормам дифференциала психосоциального развития, у 75% данной категории респондентов имеет место устойчиво позитивное разрешение конфликта «доверие против недоверия».

В тоже время, у высокостатусных и низкостатусных респондентов наблюдается иная картина. Результаты 75% высокостатусных респондентов попадают в

шкальный диапазон, характеризующийся как зона неразрешенности либо слабо выраженного позитивного разрешения исследуемого конфликта. И только у 25% высокостатусных респондентов, чьи результаты составили верхний квартиль распределения, зафиксировано устойчивое позитивное разрешение конфликта «доверие против недоверия».

Схожая картина наблюдается и у низкостатусных респондентов. При этом результаты данной категории респондентов, составившие нижний квартиль распределения, «разбросаны» от зоны устойчиво негативного до зоны слабо выраженного позитивного разрешения конфликта «доверия против недоверия». Результаты 50% низкостатусных респондентов, составивших срединные квартили распределения, попадают в зону слабо выраженного позитивного разрешения рассматриваемого конфликта. И наконец, у 25% респондентов, чьи результаты попали в верхний квартиль, выявлено устойчивое позитивное разрешение конфликта «доверие против недоверия».

Следует отметить, что в целом ряде исследований, направленных на изучение взаимосвязи статусно-ролевой позиции и особенностей психосоциального развития индивида в открытых сообществах, в частности, в студенческих учебных группах (Н.Ю. Ерасова [1], Е.А. Минакова [8], Д.В. Сипягин [10] и др.), выявлена совершенно иная картина, характеризующаяся, в том числе тем, что высокостатусные члены открытых сообществ отличаются от среднестатусных и низкостатусных устойчиво позитивным разрешением базисного кризиса первой стадии психосоциального развития. Природа данных различий кроется, на наш взгляд, именно в социально-психологической специфике закрытых сообществ, которая деталь-

но описана в ряде специальных работ, в частности, М.Ю. Кондратьева [4]. Здесь же мы попытаемся конкретизировать эту специфику применительно именно к первой стадии психосоциального развития индивида. Согласно психосоциальной теории развития, позитивное разрешение базисного конфликта первой стадии эпигенетического цикла и формирования в результате эго-силы, которую Э. Эриксон обозначил как «надежда», проявляется в более старшем возрасте на уровне социального функционирования индивида как способность к открытому партнерскому взаимодействию с окружающими. В практическом плане (что принципиально важно применительно к рассматриваемым сообществам) это предполагает низкую восприимчивость индивида к социально-психологическому и идеологическому воздействию любого уровня и качества, направленному на формирование «образа врага», а также стереотипу «окончательного оценочного вывода» относительно индивидуально-личностной значимости потенциального партнера по взаимодействию на основании критерия принадлежности его к той или иной национальной, социальной, политической и т. п. группе; высокую степень толерантности к социальному заражению и действию эффекта «нисходящей слепоты».

Достаточно очевидно, на наш взгляд, что все перечисленные индивидуально-личностные характеристики не только не способствуют, но, напротив, препятствуют достижению индивидом высокого статуса в закрытых сообществах в принципе и непосредственно в воинских подразделениях, укомплектованных военнослужащими по призыву.

При этом, с другой стороны, как показано в работах Э. Эриксона, выраженное

негативное разрешение конфликта «доверие против недоверия» влечет за собой эго-отчуждение в виде временной спутанности или утраты временной перспективы. По словам Э. Эриксона, это означает, что «... каждая отсрочка становится обманом, каждое ожидание — переживанием бессилия, каждая надежда — опасностью, каждый план — катастрофой, каждый возможный помощник — потенциальным изменником» [11, с. 191].

Вполне понятно, что индивид с выраженным эго-отчуждением такого рода патологически не способен достичь высокой статусно-ролевой позиции в неформальной интрагрупповой структуре любого сообщества, и в особенности в условиях сообществ закрытого типа. Отсюда вполне закономерным представляется то, что в ходе исследования у большинства высокостатусных испытуемых выявлено именно слабовыраженное позитивное разрешение кризиса психосоциального развития «доверия против недоверия». В связи с этим возникает закономерный вопрос, как в таком случае объяснить очень похожие результаты низкостатусных испытуемых. На наш взгляд, ответ кроется в сравнительном анализе динамики психосоциального развития на пяти базисных стадиях в целом, к чему мы и обратимся ниже. Здесь же, на наш взгляд, необходимо попытаться проанализировать то обстоятельство, что у большинства среднестатусных испытуемых зафиксирована отчетливо выраженная тенденция позитивного разрешения базисного конфликта «доверие против недоверия». На наш взгляд, это обусловлено тем, что наряду с уже вышеописанными особенностями индивидам со сформированной эго-силой надежды свойственна доминирующая установка на достижение в

сочетании с высокой фрустрационной толерантностью. Применительно к условиям закрытых сообществ, и в том числе армейских подразделений, это означает, что такие индивиды способны, во-первых, адекватно оценивать как социальную ситуацию в целом, так и ситуацию межличностного взаимодействия — в частности. Во-вторых, отчетливо понимать, что их жизненное пространство и жизненные перспективы не исчерпываются текущей ситуацией, даже если она объективно и субъективно является для них проблемной. В-третьих, идти на разумные компромиссы, сохраняя при этом самоуважение и веру в будущее. Все это в совокупности в наибольшей степени соответствует именно среднестатусной позиции в специфических условиях воинского подразделения.

Далее мы в аналогичной схеме рассмотрим результаты испытуемых по второму фактору дифференциала психосоциального развития.

Как следует из анализа квартильного «расклада» по второму фактору дифференциала, у 25% высокостатусных военнослужащих имеет место негативное разрешение кризиса «автономия против стыда и сомнения». Результаты еще 50% респондентов данной категории попадают в шкальный интервал, характеризующийся как состояние неразрешенности исследуемого конфликта. Верхний квартиль рассматриваемого распределения оказался «растянутым» от зоны неразрешенности до зоны выражено позитивного разрешения конфликта «автономия против стыда и сомнения».

Что касается среднестатусных респондентов, то у 25% данной подвыборки, чьи результаты составили нижний квартиль распределения, зафиксирована неразрешенность второго кризиса психосоциаль-

ного развития. Два срединных квартиля рассматриваемого распределения (50% респондентов) попадают в зону слабо выраженного позитивного разрешения рассматриваемого кризиса. Наконец, у 25% респондентов данной категории, чьи результаты составили верхний квартиль распределения, выявлено устойчиво позитивное разрешение конфликта «автономия против стыда и сомнения».

Практически аналогичная картина имеет место в распределении по данному фактору дифференциала результатов у низкостатусных респондентов.

Совершенно очевидно возникает вопрос о причинах аномально низкого уровня психосоциального развития на данной стадии высокостатусных респондентов по сравнению со среднестатусными и низкостатусными. На первый взгляд, представляется очевидным, что индивиды с генерализированным чувством стыда и сомнения попросту не способны достигать высокой позиции в системе неформальных межличностных отношений в каком бы то ни было типе контактных сообществ. Попытаемся разрешить этот видимый парадокс, опираясь, как и в предыдущем случае, на теорию психосоциального развития.

Описывая вторую стадию психосоциального развития и психологическую суть противоречия между автономией и генерализированным чувством стыда и сомнения, Э. Эриксон отмечал: «Данная стадия становится решающей для установления соотношения между доброй волей и полным ненависти самоутверждением, между кооперативностью и своеволием, между самовыражением и компульсивным самоограничением или смиренной угодливостью» [11, с. 119].

Казалось бы, обозначенное выше противоречие, таким образом, только

получает дополнительное подтверждение. В самом деле, как индивид с низкой самооценкой может оказаться высоко-статусным членом какого бы ни было сообщества? Прежде чем попытаться принципиально ответить на этот вопрос, заметим, что в нашем конкретном случае для большинства высокостатусных испытуемых характерна все-таки неразрешенность конфликта «автономия против стыда и сомнения», а не его негативное разрешение. Тем не менее, глубинная причина зафиксированного видимого парадокса заключается, на наш взгляд, в следующем. Одной из наиболее распространенных компенсаторных реакций на заниженную самооценку является повышенная агрессивность индивида. Он, в буквальном смысле, «яростно» отвергает любое мнение, касающееся его персоны, привнося даже в объективно совершенно незначительную ситуацию социального взаимодействия выражено аффективный аспект. В собственно социально-психологическом плане компенсаторным механизмом болезненного самоосознавания часто выступает гипертрофированное стремление к идентификации с группой членства, выражающееся, в частности, в некритичном принятии групповых норм и стереотипов. Более того, именно негативное разрешение рассматриваемого кризиса психосоциального развития является одной из фундаментальных причин формирования такого личностного качества, как авторитарность. Напомним, что, как показано в целом ряде работ М.Ю. Кондратьева [5], В.А. Ильина [3] и др., авторитарность предполагает, наряду с готовностью и стремлением унижать и притеснять нижестоящих, как в официальной, так и в неформальной социальной иерархии, столь же безусловную готовность тер-

петь унижения и притеснения со стороны вышестоящих.

Все сказанное, на наш взгляд, объясняет обозначенный выше видимый парадокс. Итак, в условиях закрытых сообществ, в нашем конкретном случае армейских подразделений, где типичные для сообществ такого типа неформальные нормы, предполагающие жесткую иерархическую структуру, дополняются официальной нормативной базой, основанной, в силу армейской специфики, на жесткой авторитарной схеме взаимодействия, именно индивиды с описанными выше характерными личностными особенностями потенциально способны добиваться высокостатусных ролевых позиций.

Далее рассмотрим результаты анализа квартильного расклада по фактору «инициатива». Результаты 25% высоко-статусных респондентов, составивших нижний квартиль распределения, «растянуты» в шкальном диапазоне от устойчиво негативного разрешения конфликта «инициатива против чувства вины» до неразрешенности данного конфликта. Еще у 25% респондентов данной категории имеет место слабо выраженное позитивное разрешение рассматриваемого конфликта. У 50% высокостатусных респондентов, чьи результаты составили два верхних квартиля распределения, выявлено устойчивое либо выражено позитивное разрешение конфликта «инициатива против чувства вины».

Схожая в целом по структуре картина имеет место и у среднестатусных респондентов. Основное отличие распределения результатов у этих респондентов от распределения результатов у высокостатусных респондентов заключается в том, что у 50% представителей данной подвыборки имеет место слабо выраженное по-

зитивное разрешение рассматриваемого конфликта психосоциального развития.

Что касается низкостатусных респондентов, то для них характерна наименее благоприятная, по сравнению с двумя предыдущими категориями, тенденция разрешения кризиса «инициатива против чувства вины».

Результаты 25% данной категории респондентов, вошедших в нижний квартиль, оказались «растянутыми» от зоны выражено негативного разрешения до зоны неразрешенности рассматриваемого конфликта. Еще у 50% низкостатусных респондентов данный конфликт оказался в неразрешенном, «замороженном», состоянии. Наконец, у 25% низкостатусных респондентов, чьи результаты составили верхний квартиль распределения, имеет место слабо выраженное позитивное разрешение конфликта «инициатива против чувства вины».

Для объяснения выявленной феноменологии необходимо чуть более подробно, чем в предыдущих случаях, остановиться на закономерностях и детерминантах психосоциального развития на третьей стадии эпигенетического цикла. Как следует из работ Э. Эриксона и его последователей, именно в контексте разрешения базисного кризиса «инициатива против чувства вины» начинают отчетливо проявляться половые различия. Напомним, что определяющим фактором, обуславливающим рассматриваемый конфликт, является развитие локомоторно-мышечной координации движений — иными словами, способности произвольно выбирать и длительно сохранять позу тела, а также, что особенно важно в рассматриваемом контексте, самостоятельно передвигаться, расширяя жизненное пространство и спектр желаемых целей. При этом, согласно

психосоциальной теории развития, доминирующим средством достижения этих целей у мальчиков выступает так называемый интрузивный модус (модус вторжения), который Э. Эриксон описывал: как «вторжение в пространство с помощью активных движений; вхождение в неизвестное с помощью своей любознательности; «влезание» в уши и головы других людей своими криками и воплями; физическую атаку в отношении других людей; а также первые пугающие мысли о том, чтобы ввести фаллос в женское тело» [11, с. 126].

Инклюзивный модус (модус принятия), более свойственный девочкам, как средство достижения цели проявляется в виде более разнообразного сенсомоторного различения и акцентирования внимания на принимающих сторонах активности. Из сказанного, на наш взгляд, следует, что именно отчетливо и, более того, гипертрофировано выраженный модус вторжения, в контексте социального взаимодействия, является действительно важным условием и одновременно средством достижения высокого статуса, прежде всего, в плане неформального властного влияния в закрытых мужских группах. Заметим в этой связи, что как формальный возраст испытуемых, так и их социальный опыт свидетельствуют о том, что речь идет, по сути дела, даже не о мужских, а скорее о подростковых — «мальчиковых» группах, в которых значение интрузивного модуса, причем именно в достаточно инфантильных — «детских» формах проявления, связанных прежде всего с вербальной и физической агрессией, особенно велико. При этом возникает видимое противоречие с тем обстоятельством, что позитивное разрешение базисного конфликта «инициатива против чувства вины», как

правило, означает формирование у индивида эго-силы, которая обозначалась Э. Эриксоном как чувство цели. Развитое чувство цели обуславливает способность индивида ставить достаточно амбициозные и вместе с тем реалистичные личностные задачи и прилагать целенаправленные усилия к их достижению. Такие люди, как правило, готовы идти на оправданный риск, не «пасуя» перед возможными промежуточными неудачами на пути к намеченной цели. Они также открыты для нового опыта и ролевого экспериментирования. Наряду с надеждой, развитое чувство цели является важнейшим условием формирования мотивации достижения и установки на сотрудничество с окружающими.

С точки зрения разрешения обозначенного противоречия, принципиально важным представляется то обстоятельство, что возможность полноценного партнерства, развитое чувство цели обеспечивается только в сочетании с эго-силой надежды. Между тем, как было показано выше, у большинства высокостатусных испытуемых первый конфликт психосоциального развития оказывается в неразрешенном, «замороженном», состоянии, т. е. эго-сила надежды на момент проведения исследования оказывается несформированной. Этим обуславливается однобокое, узко специфическое проявление инициативы и чувства цели, суть которых мы попытались изложить, описывая интрузивный модус решения личностно значимых задач. Также заметим, что типичным эго-отчуждением, возникающим в результате неблагоприятного разрешения конфликта третьей стадии психосоциального развития, является тотальная ролевая фиксация, проявляющаяся, согласно Э. Эриксону, «... в форме полного отказа от амбиций, что только и

позволяет полностью избежать чувства вины» [11, с. 194].

На уровне социального функционирования личности это обычно находит выражение в установке на избегание неудач как ведущего мотива деятельности, в приверженности позиции «маленького человека», от которого «мало что зависит».

Достаточно очевидно, что такого рода личностные особенности отчетливо предполагают именно низкостатусную, зависимую позицию индивида в закрытом сообществе, особенно в описанных выше специфических условиях воинской службы.

Далее проанализируем результаты респондентов по фактору «компетентность». Итак, как следует из анализа квартильных раскладов по данному фактору, практически у 25% высокостатусных респондентов, чьи результаты составили нижний квартиль распределения, преобладает негативное разрешение конфликта «компетентность против неуспешности». Еще у 50% респондентов данной категории исследуемый конфликт оказался в стадии неразрешенности. Наконец, верхний квартиль распределения результатов у высокостатусных респондентов оказался «растянутым» от зоны слабо выраженного до зоны выражено позитивного разрешения рассматриваемого конфликта.

Далее мы попытаемся, опираясь, как и в предыдущих случаях, на психосоциальную теорию развития, проинтерпретировать полученные результаты применительно к социально-психологической специфике исследуемых нами групп. В данном конкретном случае первоочередной интерес, на наш взгляд, представляет суть эго-отчуждения, формирующегося в результате негативного разрешения базисного конфликта психо-

социального развития «компетентность против чувства неполноценности». Данное эго-отчуждение Э. Эриксон обозначал как стагнацию действия, являющуюся «... логическим следствием глубокого чувства неадекватности собственных возможностей» [11, с. 96].

В социальном аспекте это приводит не только к очевидному ограничению потенциала индивида в смысле перспектив карьерного роста, самореализации в профессиональной деятельности и т. п., но зачастую полностью парализует всякую созидательную активность личности. Компенсаторная реакция в таких случаях нередко проявляется в форме агрессивных и социопатических действий. Заметим, что в условиях воинских подразделений, где жизнедеятельность военнослужащих достаточно жестко регламентируется и контролируется, откровенные проявления социопатического и тем более криминального характера в большинстве случаев попросту невозможны, либо достаточно жестко пресекаются средствами официального (формального) воздействия. В то же время, агрессивные проявления, в контексте находящихся вне зоны формального контроля межличностных отношений, в данных специфических сообществах, как уже отмечалось выше, являются важным, а в целом ряде случаев и единственным средством достижения высокой статусно-ролевой позиции. Следует также отметить, что для большинства высокостатусных членов армейских подразделений характерны не явно негативное разрешение конфликта психосоциального развития «компетентность против чувства неполноценности», а именно его неразрешенность, «законсервированность», что само по себе, в логике психосоциальной теории развития, не предполагает сфор-

мированной установки на отчетливо выраженное криминальное поведение, но с высокой степенью вероятности подразумевает именно повышенный уровень агрессивности как средство самоутверждения в системе неформальных межличностных отношений.

Совершенно иная картина имеет место применительно как к среднестатусным, так и к низкостатусным респондентам. Нижний квартиль распределения результатов среднестатусных респондентов попадает в шкальный диапазон от зоны слабовыраженного негативного разрешения до зоны неразрешенности конфликта «компетентность против неуспешности». Еще у 25% респондентов данной категории выявлено слабовыраженное позитивное разрешение рассматриваемого конфликта. Наконец, у 50% среднестатусных респондентов, чьи результаты составили два верхних квартиля распределения, имеет место устойчиво позитивное разрешение конфликта четвертой стадии психосоциального развития.

Подводя общий итог анализа данного распределения результатов, отметим, что у абсолютного большинства среднестатусных респондентов, в отличие от высокостатусных, имеет место позитивное разрешение конфликта «компетентность против неуспешности».

Схожая картина имеет место и применительно к низкостатусным респондентам. Уже нижний квартиль распределения результатов у этой категории респондентов попадает в зону неразрешенности, а частично в зону слабо выраженного позитивного разрешения рассматриваемого конфликта. У 50% низкостатусных респондентов, чьи результаты составили два срединных квартиля распределения, налицо слабо выраженное позитивное разрешение

конфликта «компетентность против неуспешности». Наконец, у 25% респондентов, чьи результаты составили верхний квартиль распределения, имеет место устойчиво позитивное разрешение рассматриваемого конфликта.

Далее мы перейдем к углубленному анализу результатов, полученных по пятому фактору дифференциала психосоциального развития «идентичность против психосоциальной спутанности». Необходимо сразу оговориться, что при анализе полученных данных следует учитывать то обстоятельство, что в возрастном аспекте момент исследования приходится на сензитивный период разрешения данного конфликта психосоциального развития. Итак, первый квартиль распределения результатов высокостатусных респондентов, как и в ряде предыдущих случаев, оказался «растянутым» от зоны выражено негативного до зоны неразрешенности конфликта «идентичность против психосоциальной спутанности». У большинства из 50% респондентов данной категории, чьи результаты составили два срединных квартиля распределения, имеет место неразрешенность рассматриваемого конфликта. Результаты у большинства из 25% респондентов, вошедшие в верхний квартиль, попадают в зону слабовыраженного позитивного разрешения конфликта «идентичность против психосоциальной спутанности».

Квартильные распределения результатов у среднестатусных и низкостатусных респондентов оказались довольно схожими. Нижний квартиль распределения результатов среднестатусных респондентов приходится на зоны слабовыраженного негативного разрешения и неразрешенности рассматриваемого конфликта, в то время как аналогичный

показатель распределения результатов низкостатусных респондентов локализуется в шкальном интервале от зоны слабовыраженного негативного до зоны слабовыраженного позитивного разрешения конфликта «идентичность против психосоциальной спутанности».

У большинства респондентов обеих категорий, чьи результаты составили срединные квартили распределения, имеет место слабовыраженное позитивное разрешение рассматриваемого конфликта.

Наконец, как у среднестатусных, так и у высокостатусных респондентов, чьи результаты составили верхние квартили распределения, налицо устойчиво позитивное разрешение конфликта «идентичность против психосоциальной спутанности».

Таким образом, установлено, что у среднестатусных и низкостатусных респондентов тенденция к позитивному разрешению конфликта «идентичность против психосоциальной спутанности» выражена существенно в большей степени по сравнению с высокостатусными респондентами.

Попытаемся, как и в предыдущих случаях, объяснить выявленную феноменологию, опираясь на теорию психосоциального развития. Как следует из работ Э. Эриксона, механизм формирования идентичности представляет собой нечто большее, чем простое суммирование личностных идентификаций, свойственных предшествующим стадиям психосоциального развития. По словам Э. Эриксона, «формирование идентичности начинается там, где идентификация становится непригодной. Она вырастает из избирательного отказа от одних и взаимной ассимиляции других детских идентификаций и их объединения в новую конфигурацию, которая, в свою очередь,

определяется процессом, посредством которого общество (часто через субкультуры) идентифицирует юного индивида с тем, кем он, само собой разумеется, должен стать» [11, с. 170]. По сути дела, речь идет о том, что на данной стадии эпигенетического цикла заново актуализируются предшествующие конфликты психосоциального развития, а результаты их разрешения начинают подвергаться сомнению и пересмотру на субъективном уровне.

Совершенно неслучайно, рассматривая протекание и ключевые детерминанты разрешения данного кризиса психосоциального развития, Э. Эриксон подчеркивал значимость особых условий, создаваемых обществом, своего рода «социальный инкубатор», которые он обозначил как психосоциальный мораторий. Данные специфические условия индивидуально-личностного развития Э. Эриксон охарактеризовывал следующим образом: «... мораторий — это отсрочка, предоставленная кому-либо, кто еще не готов принять ответственность или хотел бы дать себе время на подготовку. Под психосоциальным мораторием мы понимаем запаздывание в принятии на себя взрослых обязанностей, но не только это. Данный период характеризуется избирательной снисходительностью со стороны общества и вызывающей беззаботностью со стороны юности» [11, с. 167].

С учетом приведенных теоретических соображений вернемся к фактическим результатам нашего исследования. Итак, во-первых, как было показано выше в ходе анализа и интерпретации данных по четырем предшествующим шкалам дифференциала психосоциального развития, именно у высокостатусных респондентов в нашем конкретном случае наблюдаются деформации в разрешении

соответствующих базисных конфликтов психосоциального развития, т. е., условно говоря, «исходный материал» конструирования психосоциальной идентичности у данной категории респондентов оказывается сам по себе проблемным, с точки зрения позитивного разрешения конфликта психосоциального развития «идентичность против психосоциальной спутанности». Во-вторых, совершенно очевидно, что молодые люди (это касается всех трех категорий респондентов), призванные на военную службу, лишены возможности проживания психосоциального моратория в вышеизложенном понимании. Понятно, что в условиях закрытой группы, в сочетании с предельно высоким уровнем как формальной ответственности, возлагаемой обществом на военнослужащих, так и субъективным ее восприятием на индивидуально-личностном уровне, ни о каком психосоциальном моратории попросту не может быть и речи.

Не менее важно в данном контексте то обстоятельство, что, как показано в ряде исследований, суть эго-силы и эго-отчуждения, формирующихся в результате разрешения конфликта данной стадии психосоциального развития в ту или иную сторону, заключается в доминирующем принципе интрапсихического структурирования личности, обозначаемыми как цельность и тотальность соответственно.

Для индивидов со сформированной эго-силой цельности характерна открытость новым идеям и опыту при сохранении отчетливо выраженной личностной позиции и системы ценностей. Им присущи способность к установлению подлинно партнерских отношений с другими людьми в процессе социального взаимодействия, полнезависимость,

высокая толерантность, готовность к принятию ответственности. В психологическом плане следует особо отметить, что наличие цельности является не просто полезным, но и совершенно необходимым свойством личности для полноценной интеграции индивида в группах членства.

Отметим, что, как следует из описанной, в частности в работах М.Ю. Кондратьева, социально-психологической специфики закрытых сообществ, эти индивидуально-личностные особенности не просто не способствуют, но впрямую препятствуют достижению индивидом высокостатусной позиции в сообществах данного типа. Особенно это проявляется в отношениях интегрированности индивида в сообщество. Как показано М.Ю. Кондратьевым [6], характерной социально-психологической особенностью позиционирования высокостатусного индивида в контактном сообществе закрытого типа является именно индивидуализация — декларируемая и фактическая в плане межличностного взаимодействия, обособленность и уникальность собственной позиции даже в контексте взаимодействия с другими высокостатусными членами сообщества.

В то же время, тотальность, как доминирующий принцип интрапсихического структурирования, по сути дела, идеально отвечает специфическим требованиям, предъявляемым к индивиду в системе неформальных межличностных отношений в закрытом сообществе. С точки зрения психосоциальной теории развития, «тотальностью обуславливается высокий уровень личностной закрытости, отчетливо выраженная предрасположенность к ксенофобии, фанатичная приверженность тем или иным лидерам и идеологическим доктринам, дефор-

мированная атрибуция ответственности, склонность к следованию стереотипам, слабая способность к рефлексии» [2, с. 165]. Она же является глубинной причиной авторитарности как устойчивой личностной особенности, о сути которой говорилось выше. Все сказанное в совокупности показывает, на наш взгляд, то, что совершенно закономерно в условиях закрытых сообществ именно индивиды с эго-отчуждением тотальности объективно наиболее предрасположены к завоеванию или, точнее сказать, к захвату высокостатусной позиции в неформальной интрагрупповой структуре, прежде всего — власти.

При этом в нашем конкретном случае у большинства высокостатусных респондентов выявлено все-таки не сформированное эго-отчуждение тотальности, а скорее эпизодические его проявления в ситуациях неформального межличностного взаимодействия. Это совершенно понятно, поскольку для индивидов с отчетливо выраженным негативным разрешением пятого кризиса психосоциального развития на поведенческом уровне характерны систематическое проявление неспровоцированной агрессии, доходящей до степени откровенной жестокости в отношении любых членов сообщества, воспринимаемых как «другие», «не свои» по самому широкому спектру формальных и неформальных признаков, крайняя поведенческая и интеллектуальная ригидность, откровенно бросающаяся в глаза, «пограничные» формы поведения и психотические эпизоды. Достаточно очевидно, что индивиды со столь явным делинквентным поведением попросту «выбраковываются» в процессе призыва на действительную военную службу.

Выводы

Проведенное эмпирическое исследование и полученные в ходе его реализации результаты позволяют сделать ряд выводов констатирующего и обобщающего характера.

1. Принципиальным отличием закрытых сообществ, при сравнении с группами открытого типа, является то, что, с точки зрения психосоциального развития личности, высокостатусные позиции в структуре неформальных межличностных отношений, как правило, достигают индивиды, у которых, в отличие от среднестатусных членов таких сообществ, а также в целом ряде случаев и низкостатусных их членов, имеет место негативная тенденция к разрешению кризисов базисных стадий эпигенетического цикла. Исключение составляет третья стадия психосоциального развития, применительно к которой, выявлена тенденция прямо противоположная обозначенной выше.

2. В условиях закрытых сообществ, а именно армейских подразделений, укомплектованных военнослужащими по призыву, статус индивида определяется не его способностью к полноценной интеграции в группу в контексте интрагруппового развития, а скорее, напротив, потребностью в индивидуализации в сочетании с готовностью и способностью «захватить» высокостатусную позицию уже на стадии формирования группы и удерживать ее прежде всего силовыми методами.

3. Объективные условия формирования и функционирования воинских подразделений изначально обуславливают подобного рода деформацию системы «личность—группа» и одновременно подкрепляют фактический исходный «расклад» на уровне индивидуально-личностного развития. Прежде всего, это касается пятой, сензитивной в возрастном аспекте на момент прохождения действительной воинской службы, стадии психосоциального развития.

4. Действующие на настоящий момент возрастные критерии призыва на действительную военную службу обуславливают деформацию психосоциального развития личности, поскольку совершенно очевидным образом не просто не способствуют полноценному проживанию молодыми людьми «психосоциального моратория», но фактически лишают их такой возможности. Более того, объективные условия прохождения действительной воинской службы создают своего рода «отрицательный социальный инкубатор», в рамках которого консервируются именно деструктивные тенденции психосоциального развития личности.

Дальнейшая разработка данной проблематики предполагает разработку и апробацию, с использованием полученных данных, развернутой прикладной программы по социально-психологическому развитию воинских подразделений с учетом индивидуально-личностных особенностей военнослужащих.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ерасова Н.Ю. Становление профессиональной идентичности индивида в контексте психосоциального подхода к проблеме развития // Психологическая наука и образование. 2007. № 5. С. 111–118.

2. *Ильин В.А.* Психосоциальная теория как полидисциплинарный подход к анализу социальных процессов в современном обществе: дисс. ... д-ра психол. наук. М., 2009. 392 с.
3. *Ильин В.А.* Теория и практика психосоциального развития: личность, группа, общество. М.: Издательство РГСУ, 2016. 287 с.
4. *Кондратьев М.Ю., Кондратьев Ю.М.* Психология отношений межличностной значимости. М.: ПЕР СЭ, 2006. 272 с.
5. *Кондратьев М.Ю.* Социальная психология закрытых образовательных учреждений. СПб.: Питер, 2005. 304 с.
6. *Кондратьев М.Ю.* Подросток в замкнутом круге общения. Воронеж: МОДЭК, 1997. 336 с.
7. *Минакова Е.А.* Психологические особенности интеграции старшеклассников-мигрантов в условиях современного мегаполиса: дисс. ... канд. психол. наук. М., 2008. 159 с.
8. *Минакова Е.А.* Влияние этнокультурной специфики образовательного учреждения на процесс формирования эго-идентичности школьников // Психологическая наука и образование. 2007. № 5. С. 17–27.
9. *Ситягин Д.В.* Влияние психосоциальной идентичности личности на статусно-ролевую позицию индивида в группе: дисс. ... канд. психол. наук. М., 2007. 216 с.
10. *Ситягин Д.В.* Возможности и перспективы использования психосоциального подхода к проблеме развития в условиях средней школы // Психологическая наука и образование. 2007. № 2. С. 25–32.
11. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 344 с.

The psychosocial development of High-Status, Average Status and Low-Status Servicemen for a Fixed Period

V.A. ILYIN*,

*Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia,
va0405@mail.ru*

D.V. SVIRIN**,

*Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia,
metro.dor.moscow@yandex.ru*

The article presents the results and their interpretation analysis of a research of interrelationship between status-role position of the individual in the informal intergruppo structure of closed communities and the peculiarities of his psychosocial development (as an example, army units, brought up by servicemen for a fixed period). The study was elaborated and implemented on the basis of the theory of psychosocial development. The empirical base of the study consists of high secret army units, i.e. real closed communities. In total 13 such kind of groups took part in the research. The integral status of group members in the structure of interpersonal relations was calculated in each of them, according to the results of sociometry, referencemetric procedures and methodical technique of identifying the informal intergruppo structure of power in a contact community, being used the algorithm by Kondratiev M.Y. The peculiarities of psychosocial identity of the subjects were revealed simultaneously with using the technique of “differential of psychosocial development”. On the bases of the obtained data analysis it was shown that the level of psychosocial development of higher status members in closed communities is essentially lower than of average status and low-status ones. The detailed explanatory scheme of this phenomenology was presented, being used psychosocial development theory as the basic interpretive key.

Keywords: *psychosocial development, integral intergruppo status, informal intergruppo power structure, closed community.*

REFERENCES

1. Erasova N.Yu. Stanovlenie professional'noi identichnosti individa v kontekste psikhosotsial'nogo podkhoda k probleme razvitiya [The formation of the professional

For citation:

Ilyin V.A., Svirin D.V. The psychosocial development of High-Status, Average Status and Low-Status Servicemen for a Fixed Period. *Sotsial'naiia psikhologiiia i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2018. Vol. 9, no. 1, pp. 144–161. doi:10.17759/sps.2018090110 (In Russ., abstr. in Engl.).

* *Ilyin Valery A.* — Doctor in Psychology, Professor, Professor of the Department of social pedagogy and psychology, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia, va0405@mail.ru

** *Svirin Dmitriy V.* — senior lecturer of the Department of social pedagogy and psychology, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia, metro.dor.moscow@yandex.ru

- identity of the individual in the context of a psychosocial approach to the problem of development]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological science and education]*, 2007, no. 5, pp. 111–118.
2. Il'in V.A. Psikhosotsial'naya teoriya kak polidistsiplinarnyi podkhod k analizu sotsial'nykh protsessov v sovremennom obshchestve. Diss. dokt. psikhol. nauk. [Psychosocial theory as a multidisciplinary approach to the analysis of social processes in modern society. Dr. Sci. (Psychology) diss.]. Moscow, 2009. 392 p.
 3. Il'in V.A. Teoriya i praktika psikhosotsial'nogo razvitiya: lichnost', gruppа, obshchestvo [Theory and Practice of Psychosocial Development]. Moscow: Izdatel'stvo RGSU, 2016. 287 p.
 4. Kondrat'ev M.Yu., Kondrat'ev Yu.M. Psikhologiya otnoshenii mezhlichnostnoi znachimosti [The Psychology of interpersonal relations of the significance. M.: PER SE, 2006. 272 p.
 5. Kondrat'ev M.Yu. Sotsial'naya psikhologiya zakrytykh obrazovatel'nykh uchrezhdenii [Social psychology of closed educational institutions]. Saint-Petersburg: Piter, 2005. 304 p.
 6. Kondrat'ev M.Yu. Podrostok v zamknutom krugе obshcheniya [Teenager in a vicious circle]. Voronezh: MODEK, 1997. 336 p.
 7. Minakova E.A. Psikhologicheskie osobennosti integratsii starsheklassnikov-migrantov v usloviyakh sovremennogo megapolisa. Diss. kand. psikhol. nauk. [Psychological peculiarities of high school students integration of migrants in today. Ph. D. (Psychology) diss.] M., 2008. 159 p.
 8. Minakova E.A. Vliyanie etnokul'turnoi spetsifiki obrazovatel'nogo uchrezhdeniya na protsess formirovaniya ego-identichnosti shkol'nikov [The Influence of ethnic and cultural specificity of the educational institution on the formation of ego-identity of students]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological science and education]*, 2007, no. 5, pp. 17–27.
 9. Sipyagin D.V. Vliyanie psikhosotsial'noi identichnosti lichnosti na statusno-rol'evuyu pozitsiyu individa v gruppe. Diss. kand. psikhol. nauk [Influence of psychosocial identity on status-role position of the individual in the group. Ph. D. (Psychology) diss.]. M., 2007. 216 p.
 10. Sipyagin D.V. Vozmozhnosti i perspektivy ispol'zovaniya psikhosotsial'nogo podkhoda k probleme razvitiya v usloviyakh srednei shkoly [Opportunities and prospects for the use of a psychosocial approach to the problem of development in the middle school]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological science and education]*, 2007, no. 2, pp. 25–32.
 11. Erikson E. Identichnost': yunost' i krizis [Identity: youth and crisis]. Moscow: Progress, 1996. 344 p.